

MEMORIAL

Часовые
правопорядкаВЛАДИМИР ПАЛАМАРЧУК,
председатель совета ветеранов УМВД по г. Магнитогорску**Мемориальный комплекс в честь погибших
сотрудников милиции появится в Челябин-
ской области.**

Решение об этом принято региональным советом ветеранов органов внутренних дел и внутренних войск под руководством председателя Валерия Маскаева. На постамент четырехметровой высоты будет поднята бронзовая фигура милиционера с прижавшейся к нему девочкой. Планируемый рост сотрудника правоохранительных органов – восемь метров. Мемориальный комплекс установят в Челябинске, между Дворцом спорта «Юность» и краеведческим музеем. Открытие состоится к установленному в системе МВД дню памяти – 8 ноября.

На шести плитах мемориала будут нанесены имена около 200 погибших сотрудников. Среди них есть и магнитогорцы: Николай Шишка, погибший при исполнении служебных обязанностей, Владимир Шерстнев и Андрей Саратов, не вернувшиеся из боев в Чеченской Республике.

28 сотрудников милиции погибли, оберегая покой, жизнь и здоровье своих земляков. Их фотографии висят на стене памяти в магнитогорском музее истории милиции. В центре – Василий Полоткин, фронтовик, поступивший в милицию во время войны, после ранения. Василий Алексеевич работал участковым на пятом участке, в доменном городке. Уже после войны он получил смертельную рану, задерживая проникших на склад вооруженных преступников. Старожилы говорят, что хоронил Василия Полоткина весь город.

Мемориал в Челябинске будет установлен за счет средств сотрудников полиции и ветеранов органов внутренних дел. Первым внес свой вклад Алексей Антипин, пояснив, что он лично знал некоторых погибших сотрудников ОМОНа. Вложил свои средства в память о солдатах правопорядка и участник Великой Отечественной войны Анатолий Осанкин. Бывший командир ОМОНа, дважды побывавший в длительной командировке в Чеченской Республике, почетный ветеран МВД России Михаил Швец передал в совет ветеранов УВД не только личные деньги:

– Погибли мои бывшие подчиненные, сослуживцы, – сказал Михаил Петрович. – Но мы можем и должны сохранить память о них для будущих поколений. Их имена будут известны не только жителям области, но и всей России. Они это заслужили.

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

Старая гвардия
не сдаётсяВИКТОР ГАРИШИН,
ветеран ММК-МЕТИЗ**Недавно цех ленты холодного проката от-
метил пятидесятилетие. Помню, как его
пускали в шестьдесят третьем. И всегда цех
был на хорошем счету. Продукция его была
востребована в автомобилестроении.**

Мы чувствовали свою значимость: нам давали возможность учиться, обеспечивали детей местами в детских садах вблизи дома, улучшали жилищные условия. Многих из тех, с кого начинался цех, уже нет. Но старая гвардия не сдаётся: на юбилейном вечере, организованном администрацией цеха, профкомом и советом ветеранов, присутствовали старший вальцовщик, фронтовик Павел Беспаленко, начальник участка Семен Стружанский. Многие ветераны давно не виделись, и было приятно встретиться с друзьями, послушать концерт, узнать о сегодняшних делах цеха. Радость переполняла: на вечере много пели и вспоминали былое – ведь несколько десятилетий трудились вместе, такое не забудешь.

Прежде, бывало, встречал на улице директора ММК Дмитрия Галкина. Первый вопрос – о здоровье. Он всегда говорил: «Скриплю». И это «скриплю» для меня как знак ветеранской прочности. Здоровье, конечно, уже не то, но мы еще скрипим. Спасибо цеху за праздник, на который пригласили ветеранов.

БИОГРАФИЯ | Комсомол и армия стали для него настоящей школой жизни

Солдат атомной войны

ВЯЧЕСЛАВ ГУТНИКОВ

**Этой войны не было. Но во время
Карибского кризиса мир стоял на
ее пороге. В августе 1945 года
произошла бомбардировка Хиросимы
и Нагасаки, которые стали
символами атомного безумия.**

Советский Союз, победивший фашизм, не хотел больше войны, но был готов отразить любую агрессию. Поэтому и проводили военные учения с применением атомного оружия. Полувековая давность сняла гриф секретности. Остались еще живы участники этих учений, которые считают себя солдатами несостоявшейся атомной войны. Об одном из них и хочу поведать.

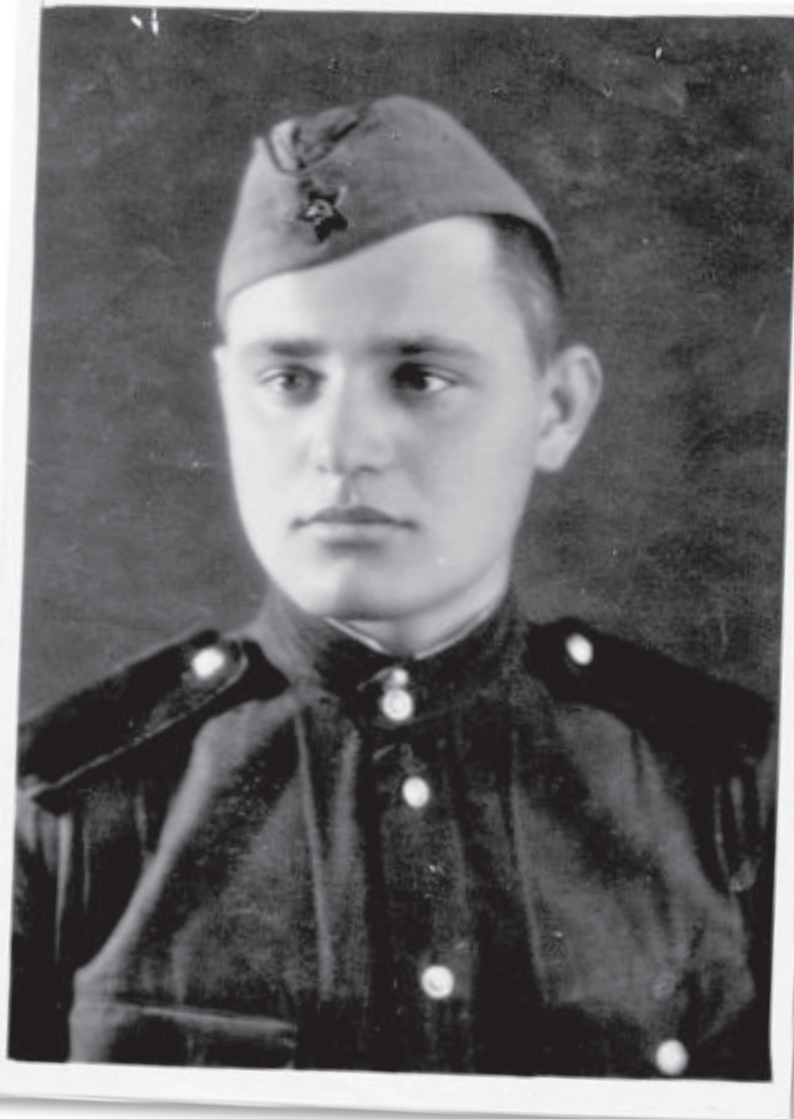
Георгий Иванович Якименко, старший лейтенант в отставке, ветеран подразделения особого риска. За этой размытой формулировкой – реальный эпизод военной службы и целая судьба человека.

Родился Георгий Иванович в городе Купянске Харьковской области в 1933 году. Вместе с матерью приехал в Магнитогорск в 1939. Здесь окончил семилетку, «бедный и полуголодный», по его собственному определению, учился четыре года в индустриальном техникуме специальности «обогащение полезных ископаемых».

– Вручал мне комсомольский билет, – вспоминает Якименко, – Борис Агапитов, в будущем известный в городе педагог. Комсомол и армия стали для меня настоящей школой жизни. Фронтовики поражали нас, мальчишек, своей простотой и скромностью. Помню, как однажды шел по улице Герой Советского Союза в летной фуражке с голубым околышем и был смущен вниманием, которое ему оказывали дети, окружившие со всех сторон.

В 1953 году Георгий Якименко был призван на действительную военную службу в Советскую Армию и направлен в Краснознаменную гвардейскую Витебскую стрелковую дивизию, расквартированную в Оренбурге. Служил два года в 73-м полку, где окончил школу младших лейтенантов и избирался секретарем комитета комсомола батальона и заместителем секретаря комитета комсомола полка.

– Многие наши командиры, – говорит Якименко, – были фронтовиками и жили с солдатами единой армейской жизнью. Питались вместе с нами на маневрах, не позволяя привилегированного к себе отношения. Что такое деловщина, тогда не знали. Она появилась в конце шестидесятых годов, когда сменились офицеры фронтовой заправки...

– 14 сентября 1954 года наша дивизия вместе с войсками Южно-Уральского военного округа участвовала в испытаниях атомного оружия в полевых условиях, – продолжает Георгий Иванович. – Это были Тоцкие лагеря, заложенные еще при Екатерине Второй.

Местность холмистая, покрытая лесами. Средоточено в лагерях было до пятидесяти тысяч военнотружеников с танками, артиллерией и бронетранспортерами. Жителям окрестных деревень мы помогли собрать урожай бахчевых. А четыре десятилетия даже переселили на другое место жительства.

Учением командовал легендарный Маршал Советского Союза Георгий Кон-

стантинович Жуков. Наблюдателями были министры оборонных стран Варшавского договора и весь генералитет социалистического лагеря.

Время «ч» запомнил на всю оставшуюся жизнь – 9 часов 34 минуты.

Утро солнечное. Небо, с легкими облачками, голубовато-зеленое, ярко осветилось, как это бывает при электросварке. Все заколыхалось, изменилось по цвету. Покрылся дымом горизонт. Я даже вспомнил родной комбинат с его сполохами.

На ярком фоне появился огненный шар, и раздался сильный раскат грома. Шар превратился в огромный гриб, который медленно поднимался вверх. Мы находились в

окопе на глубине два метра. Вскроче солдаты и офицеры выскочили из укрытия и с любопытством смотрели на этот чудо-гриб. Взрыв был на высоте четырехсот метров от поверхности земли. Наша позиция располагалась на расстоянии шести километров от эпицентра взрыва.

– Хорошо помню, что комбатом был майор Бережной, а командиром роты – капитан Вашкин, оба участники войны, повидавшие всякого, – продолжает Георгий Иванович. – Раздалась команда: «По машинам!» На бронетранспортерах двинулись в сторону пожара. Горели леса. Путь преграждали поваленные деревья. Листва берез вмиг пожелтела. Выселенные деревни обросли ударной волной, а из порогов бывших домов струился дым. Видели танк, у которого снесло башню и на броне поваленные деревья. Подопытный самолет «Дуглас» стоял с оплавленной кабиной летчика и кучками стекшего алюминия...

После службы в армии Якименко работал в цехе рудообогатительных фабрик ММК. Начинать рабочим – машинистом дробилок, мельниц, насосов. Женится на сокурнице и обрел семейное счастье на всю жизнь. Учился на вечернем факультете МГМИ имени Г. Носова. Учиться в то время было престижно. Стал коммунистом и остается им до сегодняшнего дня. В восьмидесятые годы был назначен заместителем начальника горно-обогатительного производства ММК, откуда в девяностые ушел на заслуженный отдых.

Радиация, полученная в молодости, достала Георгия Ивановича почти через сорок лет. Сейчас у него полупаралич обеих ног, живет в инвалидной коляске, но ни о чем не сожалеет, так как выполнял свой солдатский долг. – Советскую эпоху считаю справедливой, – утверждает он. – Все жили общими помыслами, единой семьей. Перестройку и реформы, показавшие звериний оскал капитализма, оцениваю как время бесстыжей эксплуатации простого человека, запутанного и запуганного.

Пишет Георгий Иванович открытвенно, о чем иные боятся и думать. А городские газеты – «Магнитогорский рабочий» и «Магнитогорский металл» – охотно печатают его откровения, посвященные самым актуальным вопросам современности. Старший лейтенант в отставке не спешит в отставку и говорит, как в молодые годы: «Служу Советскому Союзу!»

НОСТАЛЬГИЯ

АЛЛА КАНЬШИНА

**– Вот наша река, – с указкой
объясняет Иван Кернус
своей агитационный
замысел. – Вот берега:
Европа и Азия.**

Перед нами агитплакат длиной в две стелы хрущевки, сложенный из множества текстов и изображений. По горизонтальной оси условно разделен полосой картинок на синем фоне – с морскими видами, моряками портретами и речными пейзажами. Эта полоса, по мысли Ивана Петровича, символизирует Урал, а белый фон выше и ниже, тоже богато иллюстрированный, – два его берега. Знакомые с творческой манерой ветерана-агитатора, особенно если они еще и по возрасту успели наесться со-

Наша Родина – Советский Союз

ветского плакатного искусства, легко прочитают символику его творения. Только нужно «перелистать» немало страниц, бродя вдоль стен съемной хрущевки, где самодельный агитатор Иван Кернус живет вот уже несколько лет – со времени переезда из Кустаная. Потому что его плакат одновременно призывает любить родину, чувствовать ее героев, жить по совести, уважать старших, держать себя в форме, достойно праздновать Дни города и металлурга и много еще чего. Недавно панорама обогатилась темой Сталинградской битвы.

Не нужно быть большим знатоком агитации, что понять, что ведущая тема многометрового

плаката – ностальгия по СССР и воспоминания о прожитом. Среди ровесников Ивана Петровича многие живут теми же переживаниями. Он выбрал редкий способ делиться ими: по фрагменту, как мозаику, составляет агитплакаты из накрепко впечатанных в память советского человека и сегодняшнего магнитогорца образов. Александр Матросов, застывший в броске у вражеской амбразуры. Улыбающийся губернатор Михаил Юрьевич. Скрепенные серп и молот. Текстовые надписи, подписи и указатели из знакомых до оторопи фраз и речевых конструкций: «Дадим стране больше металла при наименьших затратах», «Наша

Родина – СССР», «И на Тихом океане свой закончили поход». Все – из открыток, журнальных вырезок, газетных заголовков, рукописного шрифта, лоскутов цветной бумаги, наклеенных на ватман.

«ММ» уже писал о самодеятельном агитаторе. Он захватил последний месяц второй мировой во время службы на Дальнем Востоке. Всею жизнь работал в Казахстане агрономом, а на пенсии от обиды за развал колхозов перебрался в Кустанай. Еще через годы переехал поближе к семье – в Магнитку. И все последние годы занимается «панорамным» творчеством. Потратил на него немало денег: покупает бумагу

и печатные издания для вырезок, оплачивает ксерокопии и принтерную печать.

Называя Урал «нашей» рекой, он не лукавит: для его поколения Россия – главная наследница СССР. Здесь, куда ни кинь взгляд, все – «наше». И уже в качестве магнитогорца он готов был участвовать в конкурсе на лучший проект продолжения монумента «Тыл – Фронту». Жалеет: не успел к сроку. Впрочем, проект вряд ли был бы принят: нравен, несомненно, перегружен советской символикой. Его ценность, как и всего агитационного творчества Ивана Кернуса, в другом: он рисует образ идеального общества. Ровно то, чего нам до сих пор не хватает.

ПАМЯТЬ | Артист из первого поколения ансамбля «Металлург» знал, как варят сталь и строят города

«Свой век» Ивана Каунова

АЛЛА КАНЬШИНА

**– Из города все ездили по
окрестным деревням за дефицитом,
а мы с мужем искали
на селе культовары с нотными
отделами, – вспоминает
Лидия Каунова. – Трудновато
было в городе с музыкальной
литературой.**

Одна из таких находок – «Душа народа – партия моя» композитора Новикова и поэта Ошанина. Кто-то улыбнется наивной партийной тематике. Но для самодеятельного лирического баритона, солиста ансамбля «Металлург» Ивана Каунова интересна была не идеологическая, а музыкальная составляющая: он искал материал посложнее, повынтришнее для своего тембра голоса.

Увлечшись вокалом еще двадцатилетним, в первые послевоенные годы, он солировал в хоре клуба ЖДТ под руководством Николая Фоменко. В конце пятидесятых брался за оперные партии в оперной студии во Дворце культуры металлургов имени

Ленинского комсомола – тоже детище Николая Фоменко. В премьерной постановке «Запорожца за Дунаем» исполнял партию Султана. А любимыми у него всю жизнь были партия Мефистофеля из «Фауста» и Демона из одноименной оперы Рубинштейна. Вероятно, не только за музыкальный ряд, но и за характеры образов: как всякому творцу, Ивану Степановичу интересно было исследовать человеческую натуру. У самого-то характер покладистый: очень уважал, например, родителей жены, вызывая беззлостное подтрунивание товарищей – фольклор предписывает быть в контрах с тестем и тещей.

Музыка была для него всем. Он перешел из марта № 2 в трест «Магнитогорстрой» – катети, магазин «1000 мелочей» и кинотеатр «Комсомолец» построены при его участии, возвращался на мартен, сменил разливочный кран на башенный и обратно. Но с творчеством не расставался.

И с Лидой – Лидией Павловной, с которой прожил вместе шестьдесят три года, познакомился благодаря искусству. Она жила недалеко от клуба, часто приходила послушать во-

калистов. Концертными площадками могли быть цеховые красные уголки, колхозные клубы, полевые станы, школьные сцены в дни выборов. И только семья знает, каково было ему трижды в неделю вырываться на спектакль, выступать после ночной смены, подменяться и подниматься на пару часов раньше, чтобы распеться и очистить голос перед концертом. А на работе, бывало, упрекали: отпрашиваешься на выступление на чужой концертной площадке, зато в цехе поешь редко. Бывало, что и соседи высказывали недовольство: при стопроцентной слышимости хрущевки не каждый готов был слушать утренние руды вокалиста. Все это было платой за возможность совмещать работу по профессии и творчество.

Николай Фомин был строг к своим артистам. Но Ивана Каунова выделял, и артист дорожил его оценкой. В дни гастролей в Магнитке Уральского государственного хора проверил свои силы: попросил его прослушать. Его прослушали и – предложили петь в хоре. Конечно, он отказался, иначе пришлось бы перевернуть всю жизнь. Но когда «Металлург» гастролировал

в Болгарии, именно после выступления Каунова присутствовавший на концерте Болеслав Буйвид услышал: мол, русские говорили, приедет самодеятельность, а привезли профессионалов.

Десятилетия привнесли в творчество Ивана Степановича горький привкус. Пенсия не успевала за продуктовой корзиной. Проспект Металлургов, вокруг которого прошла вся жизнь, словно обезлодом: не стало давних знакомых, с которыми работал, пел, дружил – переехали или умерли.

– Кончился наш век, – печалился Иван Степанович.

Но за «свой век» ему стыдно не было: вырастил сыновей, построил, а потом перестроил садовый домик, отмечен в энциклопедии Челябинской области. В последние пятнадцать лет не выступал: здоровье не позволяло. А тягу к творчеству перевел в живопись: копировал знаменитые картины, писал маслом портреты домашних, пейзажи. Одно время даже подрабатывал этим: его картины продавали в городских салонах живописи.

